

Н. Д. Руссев

Феномен балкано-дунайской культуры и история Дунайской Болгарии

Сообщения из памятников письменности, обычно краткие и противоречивые, вполне ясно отмечают активную деятельность болгар раннего средневековья в Дунайско-Днестровских землях. Их этнополитическое присутствие прослеживается здесь непрерывно, во всяком случае, с момента прихода Аспаруха до падения Первого Болгарского царства. Казалось бы, этот факт должны подтверждать и памятники археологии юга Республики Молдова и юго-западной части Одесской области Украины. Однако осознанно переживаемая история гораздо динамичнее материальной культуры, которая временами воспринимается как неподвижное явление или, напротив, археологически не всегда уловима. Между тем, в регионе открыто несколько групп памятников материальной культуры, которые не находят однозначной интерпретации исследователей, в общем не сомневающих в прямой зависимости структур повседневности от характера общественных преобразований.

Монография В. И. Козлова вводит читателей в изучение ряда категорий археологических объектов и материалов из степного междуречья Дуная и Днестра, находившегося во второй половине VII — начале XI вв. в составе болгарских владений или у их границ. Автор представляет комплексы индивидуальных и массовых находок, свои полевые наблюдения и социальные реконструкции, что позволяет оценить достижения и установить пробелы в долголетнем изучении еще одного круга сложных проблем современной исторической науки. Хотелось бы поделиться некоторыми соображениями, возникшими в ходе редактирования книги на фоне неизбежно трудного диалога предметной Археологии и событийной Истории.

* * *

Со времени открытия в 1949 г. первого балкано-дунайского поселения до осознания совокупности древностей данного типа как особой археологической культуры прошло более десятилетия. Позднее был сделан вызвавший споры вывод о принадлежности памятников населению Первого Болгарского царства (Федоров, Негруша 1979: 48—52; Чеботаренко 1979: 88—96).

В то же время делались попытки связать этот круг древностей с историей становления румынского этноса, породившие понятие «культура Дриду». Такое понимание археологического материала вызвало появление взаимоисключающих трактовок (ср. Хынку 1974: 127—150; Бырня, Рафалович 1978: 65—75; 1983: 79—98) и длительную, не завершенную по сей день полемику (подробнее см. Чеботаренко 1983: 58—79; Руссев 2002: 105—107; а также Postică 1995; Tentiuc 1996; Musteață 2005).

Не принесло успеха стремление объявить одни степные древности вариантом салтово-маяцкой культуры, а другие — древнерусскими. При этом развивалась идея о том, что дунайские болгары, подобно кавказским аланам и волжским болгарам, прошли «через салтово-маяцкий этап в культуре» (Плетнева 1981а: 64—65; 1981б: 75—77).

Правда, по мере накопления знаний схема генетической связи балкано-дунайской и салтово-маяцкой культур выглядела все менее убедительно. Стало понятно: болгары Аспаруха прибыли на Дунай еще до того как сформировалась салтово-маяцкая культура, а созданная ими новая этнополитическая общность обусловила появление материальной культуры Дунайской Болгарии, сходной, но не идентичной салтово-маяцкой (Ангелова, Дончева-Петкова 1992: 30—39). В итоге пришлось признать: балкано-дунайские памятники — лишь часть более общего явления, определенного как «единая культура Болгарского государства IX—X вв.» (Плетнева 1990: 88). Думаю, что не последнюю роль в этом сыграли исследования В. И. Козлова, поскольку отказавшаяся от ранее отстаиваемой точки зрения С. А. Плетнева являлась научным руководителем его диссертации.

В. И. Козлов обобщил материалы 137 «древнеболгарских (южнославянских) поселений степного междуречья Дуная и Днестра». В районе придунайских озер он зафиксировал 102 селища, а вдоль правого берега Днестра в его нижнем течении — 34 неукрепленных поселения и единственное известное теперь городище балкано-дунайской культуры — Калфа. Балкано-дунайские селения Придунавья располагались тремя группами вблизи крупных озер — Кагул, Ялпух и Катлабух. На правобережье Днестра также выделены три группы селищ — Калфинская, Тудоровская и Приморская. В обоих массивах, отстоящих друг от друга примерно на 100 км, наряду с крупными поселениями площадью 9—10 га, были и малые, вроде хуторов. Автор проанализировал раскопанные на них остатки 72 жилищ с отопительными сооружениями.

Для изученных древностей региона наиболее массовым и типичным материалом является керамика двух основных видов. В первый входит посуда (главным образом горшки), украшенная горизонтально врезанными ровными и волнистыми линиями. Они чаще всего покрывают верхнюю половину тулова сосудов, иногда отмеченных рельефными клеймами на доньшках. Второй вид представляет более высококачественную керамику. Поверхность сосудов гладкая, ассортимент разнообразнее, а цвет обычно колеблется от светло-серого до почти черного. Туловища гончарных изделий нередко покрыты пролощенными линиями, ряды которых могут образовывать сетчатый орнамент.

Удалось выяснить, что описываемые объекты материальной культуры неоднородны даже в масштабе отдельно взятых памятников. Так, на поселении Богатое I вблизи Дуная под Измаилом были открыты полуземлянки с очагами и подбойными печами, наземная глинобитная постройка и два юртообразных сооружения. Большой интерес вызывали остатки гончарной и кузнечной мастерских. Среди керамических находок преобладали обломки второго вида посуды — они состави-

ли 55—62% в жилищах и до 90% в гончарной мастерской. Сосуды изготавливались тут же и обжигались в двухъярусном горне. Особенности керамического набора поселения Шабо на берегу Днестровского лимана проявились в обилии лепной посуды (свыше 40% фрагментов) и малой доле салтоидных черепков (около 4%). Жилищами здесь служили квадратные полуземлянки с глиняными печами и очагами, а также округлая юртообразная постройка. Памятник был определен как поселение типа Лука-Райковецкая. (Смиленко, Козлов 1985: 119—136; Смиленко, Козловский 1987а: 98—110; 1987б: 110—120; Руссев 2002: 114).

Выяснилось, что поселения Богатое и Шабо, принадлежащие к разным археологическим культурам, могли существовать одновременно в IX — начале X вв. Богатое — один из немногих археологических объектов региона с раннеболгарскими материалами VIII в. Такими же автор публикуемой монографии считал находящееся по соседству с Богатым селище Сафьяны, а также поселение Этулия VI у вершины озера Кагул (Козлов 1997: 103).

Показательно разнообразие памятников балкано-дунайской культуры. Наряду с большими селищами типа Суворово I (площадь около 10 га) на левобережье Нижнего Дуная известны и поселения-хутора вроде Нагорного. Жилища, чаще всего каркасные, также отличаются друг от друга — это полуземлянки, наземные постройки, юрты. Столь же не стандартизированы и отопительные сооружения: зафиксированы печки-каменки, глинобитные печи и очаги. Среди существенных элементов материальной культуры следует выделить наличие канавок вокруг жилищ — возможно, следов ограждений (Смиленко, Козловский 1987а: 68—79; Смиленко 1991: 170—179).

Тем самым выявились признаки, уходящие корнями в традиции материальной культуры степных скотоводов и земледельческого населения лесостепи. Можно предположить, что столь значительная мозаичность культурного облика памятников региона объясняется различиями в хронологии поселений и этносоциальными особенностями их обитателей.

Что касается керамики, весьма показательно количество салтоидных изделий в составе всего ассортимента глиняной посуды. Это не привозная, а местная продукция, но на памятниках Нагорное, Камышовка, Болград ее доля незначительна — лишь 9—15% керамических находок. Зато в керамическом комплексе Богатое I она преобладает, а на селище Суворово I составляет почти 40%.

В отличие от северо-восточной части Болгарии, на левобережных поселениях, включая расположенные вблизи дельты Дуная, индивидуальных находок немного. Типологически это те же вещи, характеризующие домашние ремесла, земледелие и животноводство (включая разведение лошадей), охоту и рыболовство, а также военное дело (Козлов 2001: 115).

Предметов, позволяющих точно датировать сопутствующие им материалы, а также судить о духовном мире населения, еще меньше. Здесь особый интерес вызывают бронзовые амулеты в виде всадников, бытование которых связывают с болгаро-аланскими традициями (Руссев 2002: 119, рис. 22). Возможно, они указывают на распространенный в Дунайской Болгарии культ всадника-бога (Плетнева 1982: 83, 110).

В изучении керамического комплекса В. И. Козлов продвинулся намного дальше своих предшественников, разделив гончарные изделия на три, а не две группы. Кроме посуды с линейно-волнистым орнаментом (1-я группа) и кера-

мики с болгарскими (салтовскими, салтоидными) чертами — формовка на быстром круге, характерное лощение (2-я группа), исследователь выделил сосуды-гибриды. Они отнесены к 3-й группе, сочетающей технологические признаки обоих видов — орнаментация в славянском стиле наносилась на изделия, по способу приготовления глиняного теста и обжигу выполненные в болгарских традициях. Автор увидел, что по мере развития балкано-дунайской культуры один вид посуды не просто вытеснялся другим. Появление т. н. гибридных форм свидетельствовало не только о новой ступени мастерства гончаров, но также отразило трансформации, произошедшие со временем в общественной жизни носителей разных материальных культур.

Синтезируя результаты анализа археологических находок, и в особенности коллекции глиняной посуды, В. И. Козлов выделил три этапа развития болгарских древностей в степях междуречья Дуная и Днестра, которые отражают общую картину этнокультурного развития региона на протяжении более двух столетий — с конца VIII по начало XI вв.:

I. Конец VIII — середина IX вв.: время земледельческой колонизации края, на начальном этапе которой происходило освоение нижнедунайских земель. Затем, в связи с экономическими и политическими успехами Болгарского государства, количество поселений увеличилось, распространяясь в Поднепровье. Облик культуры этого периода находит близкие аналогии на памятниках северо-востока Болгарии и Добруджи.

II. Середина IX — первая половина X вв.: этап укрепления и расцвета культуры. В течение целого столетия происходит структурное развитие балкано-дунайской культуры, сложилась разветвленная система поселений, охватившая к концу IX в. Нижнее Подунавье и Нижнее Поднепровье. При этом на Днестре пришедшее из юго-западных областей население вошло в плотное взаимодействие с восточными славянами, носителями материальной культуры типа Лука-Райковецкая. В результате этих контактов балкано-дунайские элементы возобладали.

III. Середина X — начало XI вв.: фаза дестабилизации и замирения культуры, на которой регион оказался вовлеченным в процесс формирования единой в своей основе материальной культуры Болгарского государства и сложение славяно-болгарской народности. Одновременно в степном междуречье Дуная и Днестра имело место активное проникновение кочевников — главным образом печенегов.

На мой взгляд, интересная авторская модель, с которой ознакомятся читатели настоящей книги, только отчасти раскрывает судьбу северо-восточных районов Дунайской Болгарии как с точки зрения целостности исторического процесса, так и структурообразующих элементов складывавшихся здесь общественных систем. Одна из причин этого — недостаток или отсутствие археологических материалов.

В последние десятилетия большой загадкой для ученых стало полное отсутствие в крае, да и в землях дунайского правобережья, болгарских древностей второй половины VII — VIII вв. В литературе эта проблема решалась по-разному. В частности, было сделано заключение, что «Аспаруховы болгары не принесли с собой ни культурных традиций, ни хозяйственных навыков для создания своей оригинальной культуры». Около 100—150 лет после переселения они вели в По-

дунавье таборный образ жизни, «не оставляя в земле никаких следов, которые могли бы быть замечены и исследованы археологами» (Плетнева 1982: 27, 49—50, 109, 134). Мнения болгарских исследователей в отношении этой точки зрения разделились (Димитров 1987: 49 и др.; Божилов, Димитров 1995: 53—54).

Археологическая картина (или, точнее, отсутствие таковой) находится в явном противоречии с сообщениями византийских авторов о нахождении в районе Нижнего Дуная местности «Огл»/«Онглос», поиском которой занимаются многие десятилетия исследователи разных стран. Как сообщает Феофан Исповедник (†818), Аспарух со своими людьми переправился через Днестр и, «дойдя до Огла — реки севернее Дуная, поселился между первым и последним, рассудив, что место это отовсюду укрепленное и неприступное: спереди болотистое, с других же сторон окруженное, как венцом, реками, оно позволяло народу, ослабленному разделом, отдохнуть от нападений врагов» (Чичуров 1980: 61). Патриарх Никифор (†829) уточнил, что предводитель болгар «поселился у Истра, достигнув места, удобного для поселения, сурового и неприступного для противника, называемого на их языке Оглом. Спереди оно было укреплено непроходимыми болотами, сзади — ограждено неприступными кручами» (Чичуров 1980: 162).

Маловероятно предположение, чтобы едва спасшиеся от преследователей и сравнительно малочисленные болгары Аспаруха (Димитров 1987: 190—191) быстро установили контроль от Дуная до Днестра и даже Днестра. Версия о постоянном противостоянии хазарам столь же неправдоподобна. «Огл» отделяли от находившейся за Доном Хазарии обширные пространства причерноморских степей. Особые природные условия скрытого плавнями Придунавья небольшого участка местности обеспечили беглецам возможность не только скрыться от врага, но и возродиться, чтобы снова обрести родину (подробнее см. Атанасов, Русев 2011: 16).

Давно отмечено, что земли по обе стороны от низовий Дуная ограждены и целой системой рукотворных сооружений — валов. Действительно, болгарская анонимная летопись XI в. сообщает, что «царь Испор» (Аспарух) создал «великий презид» от Дуная до моря (ТДИБ 1993: 75). О традиции возведения своеобразных пограничных рубежей в дохристианской Болгарии свидетельствует безымянный арабский автор: «Вся область Бурджан огорожена валом, в котором есть проемы, подобные окнам, и этот вал имеет ров, а селения находятся за валом» (см. Крюков 1983: 123—132).

Эти данные археологи подтверждают наличием своего рода оборонительных поясов, прикрывавших владения район Подунавья той эпохи. Исследования, проведенные на северо-востоке Болгарии, позволили считать находящийся примерно в 40—60 км от дельты Дуная «Нижний Траянов вал» важным звеном в защитной пограничной линии Болгарского государства на начальной стадии его существования (Рашев 1982: 18—32, 74, 77, табл. I, 1; 2001: 56—57; о других мнениях см. Димитров 1987: 185—190). В таком случае Огл византийских авторов с севера был искусственно огражден от степи валом.

Полемику вокруг Нижнего «Траянова» вала вызвали раскопки, проведенные в 1980-е гг. у речки Карасулак близ с. Червоноармейское (Кубей) Болградского района. Здесь под валом были обнаружены котлованы пяти землянок со славянской керамикой второй половины VI — первой половины VII вв. Авторы открытия полагали, что найдены временные жилища строителей рва и вала, воз-

веденных еще до прихода в Подунавье Аспаруха. Позднее высказывалось мнение, что Верхний вал, тянувшийся от Прута к Днестру примерно по линии Леово — Бендеры, так же, как и Нижний, связан с болгарами, но оба сооружения имели в первую очередь межевые, а не защитные функции. На этом основании утверждалось, что насыпи отделяли славянские земли от болгарских кочевий, которые занимали «Онглос» — степное пространство между двумя валами. Работой по их возведению занимались славяне, а на Нижнем вале, возможно, трудились представители одного из «семи племен» Феофана (Чеботаренко, Субботин 1991: 124—145; Чеботаренко, Суботин 1992: 114—115; Чеботаренко 1997—1999: 67—69).

Изучив эти материалы, В. И. Козлов пришел к выводу, что Нижний вал появился «в первые годы становления Дунайской Болгарии» — во второй половине VII в. При этом славянское поселение «строителей вала» оказалось уникальным в буджакских степях, поскольку основной массив такого рода памятников локализуется гораздо севернее, в лесистой центральной части Молдовы (см. Козлов 1997: 100).

Впрочем, вопрос о Нижнем вале является более трудным. Радиоуглеродный анализ материала из заполнения придонной части его рва на западном берегу озера Катлабух определил X в. временем наиболее вероятного существования вала. С этим выводом согласуется находка фрагмента устья балкано-дунайского горшка с прочерченным орнаментом, происходящая из заполнения участка рва, удаленного примерно на 1 км от места отбора пробы для исследования по C¹⁴ (Фокеев, Руссев 2002: 406—412).

Взаимоисключающие события в действительности могли иметь место, если допустить, что вал, размеры которого и сегодня впечатляют очевидцев, мог использоваться населением края на протяжении многих веков, а потому неоднократно обновлялся. Уместно напомнить, что в наше время продолжают бытовать идеи о том, что вал создан в поздней античности, римлянами или готами. По некоторым косвенным свидетельствам, вал мог быть сооружен носителями черняховской культуры на финальной стадии готского присутствия, быть может, около 376 г. в ходе войны против хлынувших с востока гуннов (Руссев 1998: 132; Атанасов, Руссев 2011: 20—23; Руссев, Атанасов 2013: 42—43).

Важно осознать: болгары второй половины VII в. могли не быть первыми создателями Нижнего Траянова вала, но это сооружение, несомненно, имеет прямое отношение и к начальной истории Дунайской Болгарии, и к истории заката Первого Болгарского царства. В этом контексте особого внимания заслуживают слова патриарха Никифора о местопребывании Аспаруха: «Спереди оно было укреплено непроходимыми болотами, сзади — ограждено неприступными кручами» (Чичуров 1980: 162). Если спереди, то есть со стороны Византии, автор знал естественную преграду в виде топей при дельте Дуная, то находившиеся сзади (с противоположной северной стороны) кручи Нижнего вала также воспринимал как ландшафтную данность. Кроме его земляных насыпей со рвом общей длиной в 126 км, других крутых и тем более *неприступных* возвышенностей, отгораживающих район дельты от степи, в Буджаке найти невозможно.

Конечно, предлагаемый вариант понимания истории Нижнего Траянова вала не является окончательным. О валах — самых грандиозных сооружениях региона прошлых веков — нельзя судить со всей определенностью без регулярных полевых исследований соответствующего размаха. Без объективных знаний

о них останется недопонятой история носителей балкано-дунайской культуры, как и всего Придунавья.

Большим пробелом в исследовании проблематики является почти полное незнание погребальных памятников балкано-дунайской культуры. До сих пор не удалось открыть и изучить ни одного твердо связанного с ее поселениями могильника. Правда, при исследовании городища Калфа на Днестре раскопано 6 нехристианских погребений, из которых только в одном обнаружены вещи. Эти захоронения интерпретированы как принадлежащие праболгарам и датированы концом X в. — временем, когда жизнь здесь прекратилась (Чеботаренко 1973: 73—75).

Кроме того, интерес представляет раскопанная компактная группа из 26 языческих захоронений, впущенных в насыпь энеолитического кургана, находившегося между населенными пунктами Чобручи и Слободзея южнее Тирасполя. Простые ямы, западная с сезонными отклонениями ориентация костяков, ритуальное разрушение большинства скелетов и найденный в 14 могилах погребальный инвентарь позволили отнести этот функционировавший на протяжении около полувека некрополь к концу VIII — первой половине IX вв. Особенностью комплекса является наличие в могилах остатков характерных поясов, украшенных множеством металлических бляшек. Группа погребений, открытых на левобережье Днестра, отнесена к степному болгарскому варианту салтово-маяцкой культуры и в то же время к раннему периоду балкано-дунайской культуры (Щербакова, Тащи, Тельнов 2008: 4—6, 12, 69, 91—92, 137).

В 1990 г. при раскопках четырехметрового кургана № 1, расположенного на правом берегу Днестровского лимана у с. Садовое (Белгород-Днестровский район), было открыто впускное погребение № 10, пока еще полностью не опубликованное (см. Руссев 2010: 164). Оно сохранилось частично — от разрушенного скелета сохранились только кости голени и часть ступни. Судя по положению ног, погребенный был уложен головой на запад. Могильная яма, контуры которой прослежены не четко, была прямоугольной формы со скругленными углами — 150 × 55 см, ее глубина не превышала 60 см. Как сказано в полевом дневнике, в могильной яме найдены «обломки разбитого горшка (гончарного) балкано-дунайской культуры с характерным волнистым орнаментом». После обнаружения в фондах Одесского археологического музея этих достаточно крупных керамических фрагментов серого цвета выяснилось, что профиль сосуда восстанавливается. Это небольшой, высотой около 20 см, горшок с округлым резко сужающимся ко дну туловом. Четко выраженная шейка завершается сильно отогнутым наружу венчиком. Плечики украшены прочерченными волнистыми линиями. Ниже тулово украшено четырьмя параллельными полосами, которые нанесены гребенчатым инструментом¹. Описываемый сосуд, а равно и захоронение, можно предварительно датировать IX в.

Единственное погребение в придунайском районе распространения памятников балкано-дунайской культуры открыто в Измаиле, на территории бывшей турецкой крепости (см. Руссев 2010: 165). Горшок с остатками кремации выявлен на останце при переходе к материковому грунту на глубине 1,2 м. Пережженные человеческие кости, заполнявшие сосуд примерно на две трети, дали возможность заключить, что погребение принадлежало взрослому человеку. Погребальной ур-

¹ За новую подробную информацию о погребении я благодарен автору раскопок, научному сотруднику Одесского археологического музея НАНУ А. Е. Малюкевичу.

ной служил вытянутых пропорций гончарный сосуд со сложнопрофилированным отогнутым наружу венчиком. На центральную часть плоского дна нанесено рельефное клеймо — вписанный в круг квадрат с крестом. Тулово сосуда практически сплошь покрывал врезной орнамент из прямых горизонтальных линий.

К сожалению, это единственное такое погребение, открытое на разрушенном в османский период могильнике. Можно допустить, что он принадлежал поселению балкано-дунайской культуры Матроска, находившему ниже по склону на берегу впадающей в Дунай речки Репида. Это памятник зафиксирован в работе В. И. Козлова (см. Приложение 1, № 40).

Близкая аналогия погребальной урне происходит из богатого керамического материала поселения Орловка IV (в 6 км к северу от одноименного села Ренийского района). Этот памятник в 1985 и 1987 гг. изучал В. И. Козлов, раскопавший на нем погреб (постройка 2) с фрагментами не менее 54 сосудов. Из 40 реконструированных горшков выделяется один очень похожий на погребальную урну из Измаила. Поразительно, что у этих гончарных изделий практически одинаковы формы, размеры, характер орнаментации и клейма (см. Приложение 1, № 65, рис. 67: 33).

Разнообразие и «культурная гибридность» сравнительно малочисленных погребальных памятников требуют более корректной постановки вопроса о специфике развития этнокультурных процессов на северо-востоке владений Дунайской Болгарии в VII—X вв. Ранние погребения болгар, так же, как и поселения (стоянки), в регионе до сих пор не найдены. Даже если это разбросанные по степи одиночные и разнообрядные памятники (Плетнева 1982: 19, рис. 1), трудно сказать, почему они не встретились археологам, довольно интенсивно исследовавшим древности Буджака, особенно в 70—80-х гг. прошлого века. Нынешние представления о границах легендарного Огла позволяют сузить зону поиска находками, сделанными к югу от линии Нижнего Траянова вала. Здесь концентрировалось население, подчиненное первым болгарским правителям, поэтому полное отсутствие захоронений степняков более чем странно. Не исключаю, что положительный результат может дать поиск материалов в музейных хранилищах и полевых отчетах тех лет.

Очевидно, что оба массива балкано-дунайских поселений, которые исследует В. И. Козлов, возникли в результате освоения южной части Пруто-Днестровского междуречья встречными и одновременными волнами переселенцев из-за Дуная, Поднестровья и Заднестровья, районов кочевой и оседлой жизни. Единственное погребение, принадлежащее придунайской группе, — кремация из Измаила — безусловно вписывается в круг дохристианских древностей, известных в Болгарии и Румынии IX в. Впрочем, судя по орнаментации, сосуд из него тяготеет к концу этого столетия. Погребальные памятники Приднестровья, представленные исключительно ингумациями, также должны интерпретироваться как языческие, но в этом случае близкие к кочевническим.

Могильник Слободзея, вопреки географической близости к приднестровской группе, находится в зоне, где до сих пор не выявлен ни один памятник как балкано-дунайской, так и салтовской культур. По характеру он, безусловно, неоднороден, что отличает его от уже известных языческих некрополей болгар. По некоторым чертам (захоронению чучел коней, наличию отдельных сосудов) можно предполагать пребывание в группе продвинувшихся сюда с востока кочевников не только

болгар, но и представителей других племен, в частности, печенегов. На это указывает и возможность более поздней (вплоть до первой половины X в.) датировки части погребений — №№ 16, 17, 36, 38, 40 (см. Щербакова, Тащи, Тельнов 2008).

Как это видится сегодня, для памятников балкано-дунайской культуры характерно отсутствие типично христианских погребений и предметов культа, например, обычных и даже массовых для северо-восточных земель современной Болгарии находок нательных крестиков и медальонов.

Несмотря на противоречивость и неполноту знания археологического характера нуждаются уже на данном этапе развития исследований в более основательном сопоставлении с общеисторическими сведениями. Неоспоримо, что, продолжая традиции державы Кубрата, оказавшиеся ок. 665 г. на Дунае люди Аспаруха создавали ядро нового государственно-племенного образования (Рашев 2001: 53–56). Этот главенствующий элемент структуры — «Внутреннюю Болгарию» — со временем охватил широкий пояс зависимых «Славиний», пользовавшихся известной автономией и руководимых местными князьями (Венедиков 1979: 154–158). В контексте нормального взаимодействия центра и периферии хозяйственно-культурная самостоятельность болгар-скотоводов и славян-земледельцев при достаточном разнообразии природных условий обеспечивала относительно устойчивый дуализм языческой Дунайской Болгарии. Вместе с тем в стране постепенно разворачивался сложный цивилизационный синтез, результаты которого во второй половине XIII в. были выражены словами о первом из девяти родов человечества, которым являются «*славяне, названные болгарями*» (Богданов 1980: 107).

Однако, можно предположить: развитие отдельных территорий и этнических групп шло по пути, отличному от магистрального. Некоторые районы могли остаться вне поля болгаро-славянской интеграции, а часть общностей оказались вытолкнутыми из водоворота судьбоносных событий. В мировой истории таких примеров достаточно.

Обращаясь к теме степей междуречья Дуная и Днестра как части Болгарии и жизни их обитателей в качестве составного компонента всего населения страны второй половины VII — начала XI вв., можно легко заметить переменчивую роль названных элементов в общей социально-политической системе. Чтобы определить основные тенденции и узловые точки в развитии предполагаемой реальности, попробую конкретизировать свои рассуждения.

В Нижнее Подунавье, где с VI в. пересеклись ареалы пражско-корчакской и пеньковской культур, отождествляемых со склавинами и антами, во второй половине VII в. по узкой полоске прилегающих к черноморскому побережью степей пришли болгары Аспаруха. Согласно Начальной летописи, они остановились на Дунае и «*были насильники славянам*» (ПВЛ 1950: 208). По всей видимости, славяне занимали тогда обширные территории: по обе стороны от реки обитали известные из византийских источников «*семь племен*», а «*северы*» проживали севернее Старой Планины (Ангелов 1992: 42, 46).

После побед Аспаруха и вынужденного со стороны Византии признания прав на завоеванные им территории правобережья Дуная (681 г.), основная направленность болгарской внешней политики не изменилась. Наследовавший престол Тервел (700–721) решительно вмешался в спор за византийскую корону. Он двинул на Константинополь «*весь подвластный ему народ болгар и славя-*

нов» и вернул власть ранее свергнутому императору (Чичуров 1980: 63). В ответ Юстиниан II (685—695, 705—711) возобновил выплату дани болгарам и уступил им некоторые пограничные территории. Здесь показательны два обстоятельства: 1) расширение болгарских территорий происходило за счет славянских областей — «Загорья» южнее Балканского хребта и земель тимочан на западе (Златарски 1971: 252—254); 2) коренные владения со ставкой болгарского правителя по-прежнему находились в районе Никулицела близ низовий Дуная. Не случайно галиада Юстиниана II, прибывшего «к Тервелю, владыке Булгарии», бросила якорь в дельте реки (Чичуров 1980: 63, 163—164). Очевидно, Нижнее Подунавье прочно вошло в состав «Булгарии», а Онглос находился под непосредственным контролем центральной власти. Очевидно, только после этого болгарский правитель смог перенести свою главную ставку в Плиску (Атанасов, Руссев 2011: 25—27; Руссев, Атанасов 2013: 44—45). Возможно, это имело место во второй половине властвования Тервела (см. Атанасов 2003: 106, 108).

К сожалению, болгарская история VIII в. скудно освещена в памятниках письменности. С пресечением династии рода Дуло страна вступила в «эпоху внутренних междоусобиц и внешних опасностей» — болгарская знать разделилась на сторонников воинственного курса в отношениях с Византией и тех, кто склонялся к сотрудничеству с империей (Златарски 1971: 257—262 и др.). Едва ли не основным содержанием соперничества с ромеями стала борьба за славян, от исхода которой зависело будущее Дунайской Болгарии. Чтобы удерживать в подчинении своих «федератов», болгарским правителям приходилось сосредотачивать войска на юге и юго-западе страны. При Константине V (741—775) огромное количество славян перешло в земли империи, войска которой совершили не менее пяти больших походов на север. Доказано, что к середине VIII в. «Болгария превращается в непримиримого врага византийской державы» (Острогорски 2001: 238—240).

В трех войнах с болгарам (756, 763 и 774 гг.) василевс направлял флот в устья Дуная. Патриарх Никифор рассказывает о рейде ромеев 756 г.: «*Очутившись у реки Истр, они предали огню земли болгар и взяли немало пленных*». В событиях 763 г. на стороне болгар сражалось немало славян; всего 20 тыс. воинов «*из соседних племен*» (Чичуров 1980: 68, 166; Златарски 1971: 278—306). Хотя стратегическое значение дельты Дуная в это время еще сохранялось, Онглос стал менее самостоятельным и безопасным; его ресурсы подорвало длительное военное противостояние Византии. Истощение и распыление сил «внутренней» области (собственно Болгарии) ставило под вопрос перспективы созданной Аспарухом державы. Онглос как центр властвования все меньше отвечал интересам времени и фактически был оставлен. Представляется, что такое понимание начального периода истории дунайских болгар дает наиболее правдоподобное объяснение причин отсутствия их археологических памятников (прежде всего, погребений) не только в районе, исследованном В. И. Козловым, но и на окрестных территориях.

В болгарской историографии устоялось мнение, что во времена Кардама (777—803) происходил постепенный выход из кризисного состояния, а с приходом к власти Крума (803—814) была преодолена и династическая неразбериха. Очевидно, в те же десятилетия решалась славянская проблема, вопрос о новой консолидации болгар и судьба административно-политического центра страны. Значимость жизненно важных преобразований наиболее выпукло проявилась

в связи с византийским походом 811 г. Мощный удар огромной армии императора Никифора I (802—811) был направлен на северо-восток и заставил болгар оставить врагу свои владения вместе со ставкой в Плиске. Однако Крум в короткий срок собрал на периферии, в том числе за Дунаем, войско из болгар и славян, к которому присоединились аварские отряды. При возвращении отягощенная трофеями византийская армия была окружена в горах и почти полностью погибла. Из черепа убитого императора сделали кубок, из которого в ознаменование победы Крум «с гордостью заставлял славянских князей пить» (Златарски 1971: 330—337; Острогорски 2001: 273; Рашев 2001: 92—100). От пленных ромеев потребовали сменить веру — *«отречься от Христа и принять языческое и скифское заблуждение»* (ГИБИ 1961: 11—15).

Новые походы болгар в Византию 811—813 гг. привели среди прочего к пленению в районе Адрианополя огромного количества людей (только мужчин было до 10 тыс.). По приказу Крума их поселили за Дунаем — очевидно, в Онгlose. За византийцами, именуемым в источниках *«македонцами»*, болгары сохранили право ношения оружия и даже военную организацию (Златарски 1971: 357—358). Эти действия являлись частью земледельческой колонизации района, лежащего к северу от дельты Дуная. Очевидно, она осуществлялась даже путем принудительной отправки сюда разнородного населения, включая славян, болгар и пленных византийцев. При этом власть рассчитывала, что у нее достаточно сил для удержания новопоселенцев в повиновении.

В памятниках письменности отмечена формула *«за Дунаем»* для обозначения владений Болгарии, расположенных на левом берегу реки (Божилов 1979: 176—185). По-видимому, их северная граница была установлена договором с Франкской империей и проходила по Тисе к верховьям Прута, а затем вниз по реке, далее по линии Леово — Бендеры (Верхний Траянов вал?) и, наконец, по Днестру к морю (Златарски 1971: 323). «Деяния венгров», составленные до 1200 г., свидетельствуют, что правитель Болгарии занял земли между Тисой и Дунаем *«до самых пределов рутен и поляков и там поселил склавов и болгар»* (ЛИБИ 2001: 13, 25).

Хан Омуртаг (814—831) продолжал политику интеграции славян в Болгарское государство, а также вступил борьбу с хазарами за доминирование на северо-востоке. Ему удалось полностью подчинить заселенные славянами аварские земли до Тисы. Попытки вождей части племен переметнуться на сторону Франкской империи болгары жестко пресекли (Златарски 1971: 400—407). Победители *«разорили огнем и мечом славян, которые жили в Паннонии, выгнали их князей и назначили им болгарских управляющих»* (ЛИБИ 1960: 34—36). Передавая управление славянами своим наместникам, хан добивался укрепления центральной власти.

Некоторые исследователи распространяют пределы этих территорий до Днепра (Божилов 1979: 183—184). Однако предполагавшийся болгарский вариант салтово-маяцкой культуры не обнаружен. Вероятнее всего, между Болгарией и Хазарией находилась широкая буферная зона, в которой поначалу поселились венгры, а затем — печенеги (Рашев 1995: 92, 95).

Тем не менее, около 818—824 гг. Омуртаг совершил большой поход на северо-восток. По свидетельству памятника эпитафии, его войска форсировали Днепр, в котором утонул военачальник Окорсис. Установлено, что это было вторжение во владения ослабевшего Хазарского каганата, возможно, чтобы заступиться за род-

ственных «каваров» или «кабаров» (Константин Багрянородный 1991: 163). Речь идет о «черных болгарях» — потомках оставшихся со старшим сыном Кубрата Бат-Баяном соотечественников, бунтовавших против насаждавшегося в Хазарии иудаизма (Златарски 1971: 393—395; Димитров 1998: 21; Павлов 2003: 131—134). С ними можно связать переселения к Дунаю тюркоязычных болгар (Плетнева 1981: 65; 1986: 20—22), новые группы которых уходили в этом направлении вплоть до начала X в.

Положение к северу от дунайской дельты характеризуют события, которые обычно датируют 837 г. Тогда византийскому флоту, посланному императором Феофилом (829—842) на Дунай, удалось вывезти на родину многих из пленников, поселенных за рекой Крумом. В отсутствие основных сил, находившихся в походе у южных границ страны, местный болгарский правитель (комит) вступил в неравный бой с «македонцами» на левом берегу. Он прибег к помощи живших неподалеку (восточнее Днестра) венгров, но многим византийцам вместе с семьями все же удалось прорваться к ожидавшим их кораблям и возвратиться на родину (ГИБИ 1964: 156—157; 1965: 136—137; ср. Златарски 1971: 432—435; Венедиков 1979: 92—93; Димитров 1998: 21—22).

Несмотря на частные неудачи, в первой половине IX в. языческая Болгария достигла пределов своего территориального роста и пика могущества. Разросшееся государство делилось на 10 частей. Центральную область, именовавшуюся, как прежде, «внутренней», окружали 9 провинций — «комитатов». Находившиеся во главе их «комиты» назначались из Плиски и зачастую являлись близкими родственниками правителя Болгарии. Одна из областей, центром которой являлся Доростол (Силистра), охватывала Добруджу и юг Карпато-Днестровских земель. Важнейшая задача комита состояла в охране устьев Дуная от неприятельского флота. Высказано предположение, что эта административная единица продолжала существовать в границах Онглоса времен Аспаруха (Венедиков 1979: 92—95).

Судя по всему, это не совсем так. Однако, очевидно, что в это время район стал провинцией Болгарии. Ее границы достигли правого берега Днестра, вдоль которого балкано-дунайская культура поглотила восточнославянские поселения типа Лука-Райковецкая. Именно расширение территории государства обеспечило условия для формирования описанной В. И. Козловым приднестровской группы памятников. На мой взгляд, тогда же на левобережье Днестра обосновалась группа населения, оставившая погребения в кургане у Слободзеи. Вероятно, это были не порвавшие с кочеванием воины, которые несли определенную службу у переправы через реку на северо-восточной границе Дунайской Болгарии. Возможно, что аванпосты появились на Днестре еще при Тервеле, создавая здесь своеобразную полосу безопасности для обитания разнородных групп населения (Атанасов 2003: 108—109).

За почти четыре столетия существования языческая Болгария разрослась, главным образом, за счет окружавших ее славянских земель. Длительное переплетение судеб болгар и славян вело к появлению нового этнокультурного феномена, который окончательно сформировался только в результате христианизации страны. О крещении в 864 г. Бориса (852—889) и последовавшем обращении в новую веру народа, в немецкой хронике Регино 906 г. сказано: «*Очень жестокий и воинственный болгарский народ в большей своей части оставил идолов*» (Гюзелев 2006: 188). Болгарский источник описал деяние Бориса так: «*Силой Христа и крестным знаком он победил черствое и непокорное болгарское племя, ... разорил их жертвенники*»

(Богданов 1980: 66). В 865 г. призванный Христом князь Борис-Михаил уничтожил 52 рода старой болгарской знати, составлявших верхушку приверженцев отброшенных языческих истин (Гюзелев 2006: 188; Божилов 1995: 86; Рашев 2001: 124).

Очевидно, значительное меньшинство из низов также не желало исповедовать новое вероучение, хотя и не оказывало активного сопротивления властям. Местами, в основном на окраинах страны, язычники даже преобладали. Так, в Кутмичевице (современная Македония) к 887 г. *«болгарский народ еще не был просвещен посредством крещения и обладал варварской дикостью»* (Андреев, Лазаров, Павлов 1994: 207).

Однако в болгарской столице Плиске также оказалось немало затаившихся сторонников старой веры. Между ними был и посаженный на престол отцом князь Владимир-Расате (889—893). Наследник крестителя Болгарии *«начал ... всеми средствами возвращать новокрещенный народ к языческим обрядам»*. По этой причине *«воспламененный сильный гневом»* Борис-Михаил покинул монастырь, лишил власти и зрения законного преемника, а затем *«созвал все свое царство»* в Плиске — собор, который передал трон другому сыну крестителя Болгарии, истовому в вере Симеону (893—927). Опасность языческой реставрации была настолько реальной, что старому князю пришлось публично припугнуть младшего сына повторением судьбы брата на случай, если он *«отступит от истинного христианства»*. Столица была перенесена в Преслав. Славянский язык и азбука получили официальный статус в государственной и церковной сферах. Византийских священников прогнали, а во главе церкви стал Климент Охридский (+916) — ученик Кирилла и Мефодия и *«первый епископ на болгарском языке»* (Петканова 1992: 225; Андреев, Лазаров, Павлов 1994: 48; Гюзелев 2006: 188; Рашев 2001: 150—152).

Христианизация по-славянски ввела Болгарию в цивилизованную Европу и в то же время установила безопасную дистанцию от западной и от восточной церквей. Ключевые посты заняли представители крещеной славянской и славянизированной знати. Возникла «новая, сложная и неоднозначная по содержанию и направленности историческая обстановка, характеризующая облик болгарского государства и болгарского общества в конце IX и начале X вв.» (Ангелов 1992: 121, 127).

Борис-Михаил выиграл у Византии сражение за славян. Однако, насаждая христианские ценности, государство неизбежно подавляло исконную древнеболгарскую сущность недавно господствовавшего общества. Старые традиции отступили, но еще долго продолжали держаться в отдельных группах населения, так или иначе присутствовавших на разных этажах общества.

В Болгарском царстве, как нежданно объявившемся двойнике *«второго Рима»* (см. Тойнби 1991: 326), ромей увидели смертельную угрозу. Чтобы избавиться от нее, уже в 894—896 гг. константинопольские дипломаты направили против болгар венгров. Сначала они разорили их задунайские владения на пространстве от Днестра до Тисы, а затем с помощью императорского флота переправились через Дунай, опустошили Добруджу и достигли Преслава. Только заключив мир с византийцами и союз с печенегами, Симеон в 896 г. смог сокрушить венгров (Димитров 1998: 29—37).

Очевидно, что по мере христианизации балканских земель и продвижения новых волн кочевников на запад владения Болгарии за Дунаем все более обособлялись. Между тем, они представляли *«огромную область»* с 5 крепостями и многочисленным народом, очевидно, сохранявшим языческий уклад жизни (см. Гюзелев

1981: 80). Здесь все сильнее ощущалось воздействие степного фактора, в частности, печенегов.

Ход истории заставлял болгар лавировать между единоверными византийцами и этнически близкими язычниками севера, каковыми в X в. оставались славяне и тюрки. В 907 г., вопреки договору с ромеями, Симеон пропустил через свои земли к границе империи войска росов. Напротив, в 941 г. болгары сообщили василевсу, что Русь идет на Царьград. Так же они поступили и в 944 г., когда в поход на Константинополь вместе с печенегами ходил князь Игорь (ПВЛ 1996: 158—159).

Не случайно за многократные попытки *«посредством браков своих детей»* добиться союза с печенегами, вселенский патриарх в 917 г. укорял Симеона. Вместе с тем он предупреждал преславского царя откровенной угрозой — императоры *«не перестанут возбуждать для вашей гибели всякий народ: и венгров, и аланов, и печенегов, и русских, и другие скифские племена, пока последние не истребят болгарский народ совершенно»* (Тихомиров 1947: 137; МДСБ 1991: 83).

Между тем, в первой половине X в. кочевья печенегов вплотную приблизились к низовьям Дуная. Как отметил авторитетный византийский автор того времени, *«Пачинакия отстоит... от Булгарии — на полдня»*. Кроме того, он сообщает, что, опасаясь агрессии кочевых соседей, *«болгары проявляют постоянное старание и заботу о мире и согласии с пачинакитами»* (Константин Багрянородный 1991: 41, 157, 163).

Изучение памятников южной части Прутско-Днестровского междуречья показало, что они подобны поселениям VIII—IX вв. из Добруджи, но сильно отличаются от находимых к югу от Дуная древностей X в. Вероятно, к этому времени приднестровская группа памятников прекратила свое существование. В таком случае причиной резкого увеличения населения в добруджанских землях можно считать переселение сюда носителей балкано-дунайской культуры. Это предположительно произошло при Симеоне, который с помощью печенегов одолел венгров, но вынужден был уступить своим союзникам лежащие к северо-востоку от Дуная степи. По всей вероятности, граница Болгарии сместилась к Нижнему Траянову валу, которому вновь предстояло сдерживать натиски беспокойных соседей (Атанасов, Руссев 2011: 30—31). По этой причине утверждение о совместном проживании в X в. к северу от вала болгар и печенегов (Козлов 1996: 114) вызывает большое сомнение (см. Атанасов 2001: 188—190).

В то же время, находясь в тесных контактах с кочевниками, болгары общались с ними без переводчиков — не по-славянски или по-гречески, а на близких тюркских диалектах. Данные лингвистики и некоторые средневековые авторы свидетельствуют о родстве говоров печенегов, болгар, сувар, хазар, огузов, благодаря которому они легко смешиваются (см. Руссев 2009: 245). Не случайно в то время кавары, проиграв войну хазарам, *«поселились в земле пачинакитов»* (Константин Багрянородный 1991: 163). Допускаю, что в этнокультурных взаимосплетениях степных народов Северного Причерноморья скрыт ключ к пониманию заявления средневекового автора о том, что после гибели *«царя болгарского»* Испора-Аспаруха, *«назвали куманов болгарами»* (Богданов 1980: 106—107).

Вероятно, сближение части болгар с пришлыми тюрками было обусловлено и религиозным фактором. Тюркское язычество и в X в. сохранялось и в столице Болгарии, во дворце Симеона. Его сын по имени Баян *«настолько изучил магию, что внезапно мог превращаться из человека в волка и во всякого другого зверя»*. Великовозрастные отпрыски правителя, братья Баян и Иоанн, демонстративно носи-

ли традиционное «болгарское платье», отвергая принятую при дворе отца одежду византийского покроя (Гюзелев 2006: 189, 263).

Крещенные болгары знатного происхождения не сумели полностью искоренить язычество даже в своем окружении. Царское семейство и, вероятно, близкое к нему высшее духовенство по каким-то причинам смотрели сквозь пальцы на демонстративные проявления богопротивной приверженности язычеству. Очевидно, что ревнители старой религии проводили обряды по-дедовски, молясь на тюркском наречии (Руссев 2009: 246).

Глубокий социокультурный раскол, вызванный созданием на Балканах христианской и славяноязычной державы, предопределил судьбу населения, сохранявшего до падения Первого Болгарского царства основы материальной и духовной культуры своих предков, в том числе язык и религию. Лишенная аристократии (отчасти уничтоженной, отчасти ослабяннейшей) значительная часть болгар была вытолкнута на обочину жизни. Очевидно, цивилизаторские процессы в Болгарии в одних случаях укрепляли, а в других — ослабляли связи центра с периферией.

Вне руслу главных перемен оставались группы болгар, вбиравшие в себя тюркских переселенцев из Северного Причерноморья. В условиях начавшегося после смерти Симеона ослабления государства они могли долго сохранять существенные архаичные черты самобытности. Общая обстановка времени царствования Петра (927—970) способствовала дальнейшему притоку тюрков. Импульсы из степи постепенно придавали придунайскому региону этнополитическую обособленность (Руссев 2009: 246).

С большой вероятностью можно утверждать, что такая маргинальная общность обитала в степях у границ исторического «*Онглоса*» к концу существования Первого Болгарского царства. Такие аморфные коллективы легко взаимодействовали с более активными родственными группами, представители которых при благоприятных условиях могли составить ядро вновь формирующегося этнического конгломерата. Этот процесс прослеживается уже в середине X в., когда Болгария, по сути дела, без сопротивления сдала печенегам почти все свои степные владения к северу от низовий Дуная. При этом некоторые поселения балкано-дунайской культуры, судя по отдельным находкам (например, обломкам амфор), пережили дунайские походы Святослава 968—971 гг. и продолжали существовать к югу от Нижнего Траянова вала вплоть до начала XI в. (Атанасов, Руссев 2011: 30—31). Дальнейший отказ Византийской империи от этой части болгарского наследия привел к поглощению кочевой стихией всех земель до Нижнего Дуная.

* * *

Соотнесение исторических сведений с материальными свидетельствами из книги В. И. Козлова показывает целесообразность основанной на экскурсах компаративистики и обнаруживает много еще не изученных вопросов. Так или иначе, они неизбежно будут занимать умы будущих исследователей. Позволю себе сформулировать только один из них: оправдано ли само понятие «БАЛКАНО-ДУНАЙСКАЯ КУЛЬТУРА», коль скоро за ним нет целостной исторической реальности? Кажется, это относится уже к методологии нашей науки. Каким может быть ответ, предоставляю решать читателям. Замечу, что об этом думал и автор данной ценной книги. В 1998 г. В. И. Козлов приготовил для нее запасной вариант заглавия: «Население степного междуречья Дуная и Днестра в эпоху раннего средневековья»...

Источники и литература

- Ангелов Д. 1992. *История на средновековната българска държава и право*. София: Просвета.
- Ангелова С., Дончева-Петкова Л. 1992. Сходства и различия между паметниците от кримския вариант на салтово-маяцката култура и културата на Първото българско царство. *БСП* 1, 30—39.
- Андреев Й., Лазаров И., Павлов П. 1994. *Кой кой е в средновековна България*. София: Просвета.
- Атанасов Г. 2001. Нов поглед към демографските и етнокултурните промени в Добруджа през средновековието. *Studia Balcanica* 23. София, 188—191.
- Атанасов 2003. Българо-хазарската граница и българо-хазарската враждебност от края на VII до средата IX век. *Българи и хазари през ранното средновековие*. София: Тангра ТанНакРа ИЕ, 92—113.
- Атанасов Г. Г., Русев Н. Д. 2011. Онгос: първа резиденция българских канов на Нижнем Дунае и болгарское присутствие севернее Дуная в VII—X вв. *Болгарский Форум* I. Материалы международного Болгарского форума, 19—21 июня 2010 г., Болгар. Казань: Фолиант, 15—34.
- Богданов И. 1980. *Безсмърни слова. Коментирани литературни паметници*. София: Издателство на Отечествения фронт.
- Божилев И. 1979. «Анонимът на Хазе»: България и Византия на Долни Дунав в края на X век. София: БАН.
- Божилев И. 1995. *Седем етюда по Средновековна история*. София: БАН.
- Божилев И., Димитров Х. 1995. Protobulgarica. (Заметки по истории протоболгар до средината IX в.). *Byzantinobulgarica* IX, 7—61.
- Бырня П. П., Рафалович И. А. 1978. Проблема местного населения Днестровско-Прутского междуречья X—XII вв. и балкано-дунайская культура. *Известия АН МССР. Серия общественных наук* (1), 65—75.
- Бырня П. П., Рафалович И. А. 1983. Проблемы этнической истории Днестровско-Карпатских земель в конце I — начале II тысячелетия н. э. В.: Зеленчук В. С. (отв. ред.). *Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван*. Кишинев: Штиинца, 79—98.
- Венедиков И. 1979. *Военното и административното устройство на България през IX и X век*. София: Военно издателство.
- ГИБИ 1961: *Гръцки извори за българската история*. 1961. Т. I. София: БАН.
- ГИБИ 1964: *Гръцки извори за българската история*. 1964. Т. V. София: БАН.
- ГИБИ 1965: *Гръцки извори за българската история*. 1965. Т. VI. София: БАН.
- Гюзелев В. 1981. *Средновековна България в светлината на нови извори*. София: Народна просвета.
- Гюзелев В. 2006. *Покръстване и христианизация на българите. Извороведческо изследване с приложение*. София: ТАНГРА ТанНакРа.
- Димитров Д. 1987. *Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. (Към въпроса за тяхното присъствие и историята в днешните руски земи и ролята им при образуването на българската държава)*. Варна: Георги Бакалов.
- Димитров Х. 1998. *Българо-унгарски отношения през средновековието*. София: Академично издателство «проф. Марин Дринов».
- Златарски В. 1971. *История на българската държава през средните векове*. Т. I. Ч. 1. София: Наука и изкуство.
- Козлов В. И. 1991. *Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII — начала XI веков н. э. (балкано-дунайская культура)*. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Козлов В. И. 1996. Към въпроса за хронологията на паметниците от североизточна провинция на Първото българско царство. *БСП* 5, 109—125.
- Козлов В. И. 1997. Славяно-болгарская колонизация степного междуречья Дуная и Днестра в раннем средневековье. *Этногенез и этнокультурные контакты славян* 3. Москва, 99—115.
- Козлов В. И. 1997—1999. Богатое I — поселение Первого Болгарского царства на левобережье дельты Дуная. *Добруджа* 14—16, 98—130.
- Константин Багрянородный 1991. *Об управлении империей*. Серия: Древнейшие источники по истории народов СССР. Москва: Наука.

- Крюков В. Г. 1983. Сообщение анонимного автора «Ахбар аз-заман» («Мухтасар ал-аджаиб») о народах Европы. В: Пашуто В. Т. (отв. ред.). *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*. 1981 г. Москва: Наука, 123—132.
- ЛИБИ 1960: *Латински извори за българската история*. 1960. Т. II. София: БАН.
- ЛИБИ 2001: *Латински извори за българската история*. 2001. Т. V. София: БАН.
- МДСБ 1991: *Международни договори на средновековна България (681—1396)*. 1991. София.
- Острогорски Г. 2001. *История на Византийската държава*. София: Прозорец.
- Павлов Пл. 2003. Българо-хазарски взаимоотношения и паралели. *Българи и хазари през ранното средновековие*. София: Тангра ТанНакРа ИЕ, 114—141.
- ПВЛ 1950: *Повесть временных лет*. 1950. Текст и перевод. Москва; Ленинград: АН СССР.
- ПВЛ 1996: *Повесть временных лет*. 1996. Ч. II. 2-е изд., испр. и допол. Санкт-Петербург.
- Петканова Д. 1992. *Старобългарска литература. Енциклопедичен речник*. София: Петър Берон.
- Плетнева С. А. 1981а. Салтово-маяцкая культура. В: Плетнева С. А. (отв. ред.). *Стети Евразии в епоху средновековья*. Археология СССР 18. Москва: Наука, 62—75.
- Плетнева С. А. 1981б. Балкано-дунайская культура. В: Плетнева С. А. (отв. ред.). *Стети Евразии в епоху средновековья*. Археология СССР 18. Москва: Наука, 75—77.
- Плетнева С. А. 1982. *Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей*. Москва: Наука.
- Плетнева С. А. 1986. *Хазары*. Москва: Наука.
- Плетнева С. А. 1990. Хазарские проблемы в археологии. *СА* (2), 77—91.
- Рашев Р. 1982. *Старобългарски укрепления до Долни Дунав (VII—XI в.)*. Варна: Георги Бакалов.
- Рашев Р. 1995. Североизточната археологическа граница на Първото Българско царство. *БСП* 4, 89—95.
- Рашев Р. 2001. *Прабългарите и Българското ханство на Дунав*. София: Класика Стил.
- Руссев Н. Д. 1998. Нижний «Траянов» вал в контексте топографии и хронологии древностей Буджака. *Древнее Причерноморье*. IV чтения памяти проф. П. О. Карышковского. Одесса, 128—134.
- Руссев Н. Д. 2002. Славяне, болгары и болгарское государство. В: Тельнов Н., Степанов В., Руссев Н., Рабинович Р. И ... *разошлись славяне по земле*. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 67—131.
- Руссев Н. 2009. «Очень жестокий и воинственный болгарский народ в большей своей части оставил идолов...» «България — земя на блажени...» (*In memoriam professoris Iordani Andreevi*). Велико Търново, 241—251.
- Руссев Н. Д. 2010. Северо-восточные владения Дунайской Болгарии VII—X вв.: история и погребальные памятники. *Stratum plus* (5), 159—168.
- Руссев Н. Д., Атанасов Г. Г. 2013. Онглос в начальной истории Дунайской Болгарии. *Древнее Причерноморье* X. Одесса, 39—47.
- Смиленко А. Т. 1991. Спорные вопросы в изучении древностей VIII—X вв. Северо-Западного Причерноморья. *Древности Юго-Запада СССР (I — середина II тысячелетия н. э.)*. Кишинев: Штиинца, 166—185.
- Смиленко А. Т., Козлов В. И. 1985. Славянское поселение конца I тысячелетия н. э. у с. Шабо на Днестровском лимане. В: Параска П. Ф., Нудельман А. А. (ред.). *Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье*. Кишинев: Штиинца, 119—136.
- Смиленко А. Т., Козловский А. А. 1987а. Средневековые поселения в приморской части Днестро-Дунайского междуречья. В: Смиленко А. Т. (ред.). *Днестро-Дунайское междуречье в I — начале II тыс. н. э.* Киев: Наукова думка, 67—83.
- Смиленко А. Т., Козловский А. А. 1987б. Поселения у сел Шабо и Богатое Одесской области. В: Смиленко А. Т. (ред.). *Днестро-Дунайское междуречье в I — начале II тыс. н. э.* Киев: Наукова думка, 98—110.
- Тихомиров М. Н. 1947. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVI в. В: Пичета В. И. (отв. ред.). *Славянский сборник*. Москва: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 125—201.
- ТДИБ 1993: Матанов Х., Даков Т., Бобев Б. 1993. *Текстове и документи по история на България*. София: Булвест 2000.
- Тойнби А. Дж. 1991. *Постижение истории*. Москва: Прогресс.

- Федоров Г. Б., Негруша В. М. 1979. Славяне и балкано-дунайская археологическая культура. В: Марков Д. Ф. (ред.). *Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Итоги и перспективы*. Москва: Наука, 48—56.
- Фокеев М. М., Руссев Н. Д. 2002. Новые данные о Трояновом вале. *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V век н. э.)*. Тирасполь, 406—412.
- Хынку И. Г. 1974. Памятники балкано-дунайской культуры (X—XIV вв.). В: Зеленчук В. С. (отв. ред.). *Древняя культура Молдавии*. Кишинев: Штиинца, 127—150.
- Чеботаренко Г. Ф. 1973. *Калфа — городище VIII—X вв. на Днестре*. Кишинев: Штиинца.
- Чеботаренко Г. Ф. 1979. К вопросу об этнической принадлежности балкано-дунайской культуры в южной части Прутско-Днестровского междуречья. В: Королюк В. Д. (ред.). *Этническая история восточных романцев. Древность и средние века*. Москва: Наука, 86—105.
- Чеботаренко Г. Ф. 1983. Балкано-дунайская археологическая культура в зарубежной историографии. В: Зеленчук В. С. (отв. ред.). *Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван*. Кишинев: Штиинца, 58—79.
- Чеботаренко Г. Ф. 1997—1999. Трояновы валы. *Добруджа 14—16*, 65—73.
- Чеботаренко Г. Ф., Субботин Л. В. 1991. Исследования Трояновых валов в Днестровско-Дунайском междуречье. *Древности юго-запада СССР (I — середина II тысячелетия н. э.)*. Кишинев: Штиинца, 124—145.
- Чеботаренко Г. Ф., Суботін Л. В. 1991. «Троянов вали» у Дунай-Дністровському межиріччі (історія питання та історграфія). *Археологія Південного заходу України*. Київ: Наукова думка, 103—117.
- Чичуров И. С. 1980. *Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора*. Москва: Наука.
- Щербакова Т. А., Тащи Е. Ф., Тельнов Н. П. 2008. *Кочевнические древности Нижнего Поднестровья (По материалам раскопок кургана у г. Слободзея)*. Кишинев: Elan Poligraf SRL.
- Musteață S. 2005. *Populația spațiului pruto-nistrean în secolele VIII—IX*. Seria: Asociația Națională a Tinerilor Istoricî din Moldova 1. Chișinău: Antim.
- Postică Gh. 1995. *Civilizația veche românească din Moldova*. Seria: Culturi vechi în Moldova. Chișinău: Știința.
- Tentiuc I. 1996. *Populația din Moldova centrală în secolele XI—XIII*. Bibliotheca archaeologica Iassiensis 9. Iași: Ed. Helios.